Есть в нашей стране такие удалённые уголки, о которых мы мало что знаем. Один из таких — небольшая Республика Тыва, находящаяся на стыке Сибири и Дальнего Востока. А потому невозможно не быть благодарным талантливой тувинской поэтессе Лидии Иргит, которая своими стихами открывает нам, читателям России, уникальную красоту своей малой тувинской родины, без которой красота большой многонациональной российской Родины была бы неполной. Нельзя сказать, что стихи Лидии Иргит мельтешат в российских изданиях. Но каждое стихотворение этой поэтессы западает в душу. Так было со мной, когда я впервые познакомился во второй половине девяностых годов со стихами Лидии. Поэтесса тогда окончила Высшие литературные курсы Московского Литературного института имени Горького, где ей посчастливилось учиться в семинаре великого русского поэта Юрия Кузнецова. Во время учёбы на ВЛК Лидия Иргит стала участницей Всероссийского семинара в городе Владимире, где она была принята в члены Союза писателей России. Посчастливилось выпустить в столичном издательстве «Московский двор» книгу своих замечательных стихов «Рыдающий родник», составленную из переводов нескольких поэтов. Москва придала поэзии талантливой тувинки всероссийское звучание, хотя даже по стихам чувствуется, как нелегко пришлось поэтессе в далёкой российской столице, вдали от родной Тывы:

Когда в Москву я уезжала
И вся светилась, как во сне,
Моя собака не визжала
От счастья, выпавшего мне.
С протяжной жалостью собачьей
Она глядела на меня.
А я хмелела от удачи,
Судьбы поводьями звеня.
Свистела за окном синица,
Сияла мне рябины гроздь.
Застряла русская столица
В собачьем горле, словно кость.
Москва мне голову вскружила:
Какие планы и мечты!
И я тебя забыла, Джина,
Среди столичной суеты.
Здесь пахнет жухлою листвою,
Но не поют здесь петухи.
Я от тоски собачьей вою,
Когда пишу свои стихи.
Прости беспутную бродягу,
Как можешь ты прощать, любя,
Когда московскую дворнягу
Я в лоб целую за тебя.

(Перевод Евгения Семичева)

Нелёгкое московское студенческое житьё-бытьё стоило того, чтобы послушать лекции Юрия Кузнецова, пообщаться с писателями России. И, наконец, чтобы познакомиться с замечательными переводчиками, благодаря которым творчество Лидии Иргит вышло на российские просторы. Переводчики Иргит — поэты Евгений Семичев, Владимир Гордеев, Диана Кан — оказались не только чуткими к своеобычной национальной поэтике Иргит, к тому неповторимому тувинскому «мелосу», который Лидия так тонко умеет воплощать в стихи. Благодаря чуткости поэтов-переводчиков русская поэзия приросла ещё одним самобытным национальным поэтическим голосом — голосом Лидии Иргит. Стихи её — это глоток свежего горного тувинского воздуха, это вкус молока, налитого рукой тувинки в расписную пиалу. Это, наконец, завораживающие звуки тувинского горлового пения — хоомея.

Я навсегда останусь молодой.
Как голубы небесные стропила!
Искрящейся живой своей водой
Монгун-Тайга мне сердце окропила.
Она течёт сквозь небо, как река.
В её бурлящем ледяном потоке
Плывут деревья, птицы, облака…
Я из неё вычерпываю строки…

(Перевод Евгения Семичева)

Поэзия Лидии Иргит волшебным образом сближает разных поэтов с разными творческими почерками. Ведь ни у кого из переводчиков Иргит, судя по всему, не возникает ревностно-собственнического отношения к творчеству талантливой тувинки. Поэзия Лидии Иргит — словно мост, перекинутый между разными поэтическими мирами, благодаря которому далёкая Тыва становится ближе к Первопрестольной нашей страны. Известный

поэт и переводчик Евгений Семичев вдохновенно переводит восторженно-благодарные стихи Лидии Иргит, посвящённые другому её поэту-переводчику Владимиру Гордееву:

…Поклон Гордееву Володе!
Художник русский из Москвы,
Ты о моём сказал народе,
Как о таинственной породе
Моей космической Тувы.
(Перевод Евгения Семичева)

Родившаяся и выросшая в самом отдалённом районе Тувы, Лидия Иргит пришла в литературу со своими незаёмными темами — темой единокровного родства человека и природы, темой глубины родственной привязанности, благодатности многодетного материнства. Все эти качества поэзии Иргит родом из её детства. Лидия выросла в многодетной семье, центром которой была её мать Чечек Мунзуковна Салчак — многодетная мать-героиня, которой посвящена книга «Рыдающий родник»:

В лучах искрящейся весны
Любой сугроб растает.
Снег материнской седины
И по весне блистает.
Ах, мама, всё своё добро
Ты людям раздарила,
И материнства серебро
Тебя посеребрило.
Когда блуждаю по земле,
Свет твоего окошка
Мне в ноги стелется во мгле,
Как лунная дорожка.
Ты с каждым годом всё родней.
Я — кровь твоя и дочка.
Ты в полотне судьбы моей
Серебряная строчка.
Из слёз серебряных твоих
Твоя медаль отлита.
И мой слезой омытый стих —
Твоей любви орбита…
(Перевод Евгения Семичева)

Закономерно следом процитировать и замечательное стихотворение Лидии, посвящённое её рано умершему отцу:

Отец мой ушёл так рано,
Но нас он не забывает.
И образ его, как рана,
На сердце моём пылает.
Он думал о нашем хлебе
И умер совсем не старый.
Теперь, как орёл, на небе
Пасёт облаков отары.
А мама моя в печали
Вздыхает о нём ночами.
Как пусто в родном аале,
И стынут пиалы с чаем.
Отец, твоя дочь не плачет,
Отец, я сквозь годы вижу,
Как к дому родному скачет
Во мгле жеребец твой рыжий.
(Перевод Евгения Семичева)

Чтобы выжить и прокормить семью в суровых высокогорных условиях, тувинцам приходится много трудиться. А потому стихи Лидии Иргит, посвящённые сёстрам, фактически являются гимнами неустанному труду женщин-тувинок — труду, на котором зиждется не только семейное благополучие, но и благополучие окружающего мира. В стихотворении, посвящённом сестре Лине, мы видим не просто кротко-смиренное отношение женщин-тувинок к труду как неизбежной повинности. Мы видим отношение творческое:

С иглою-подругой и другом-напёрстком
За день ни на миг не расстанешься ты.
И, всех наряжая, одета неброско —
Тебе не до этого средь суеты.
Портнихой от Бога тебя называют —
Настолько искусно наряды ты шьёшь.
И душу твою отродясь не пятнает,
И уст никогда не касается ложь.
Волшебница Лина, характер твой кроток,
Плохого не скажешь вовек ни о ком…
Дурнушек — и тех! — превращаешь в красоток
Своим аккуратным чудесным стежком.
(Перевод Дианы Кан)

Выросшая в высокогорной Монгун-Тайге, Лидия Иргит пишет о своей малой родине так, что понимаешь: это её кровное, родственное, дающее силы жить, любить, творить, бороться. Что пока высокогорная Монгун-Тайга живёт в душе поэтессы, она останется «женщиной-скалой» (так Лидия называет себя в одном из стихотворений), неподвластной житейским невзгодам. Эту подпитку родной земли прекрасно почувствовал переводчик Лидии Иргит, москвич Владимир Гордеев:

Ночь уходит, смежив свои звёздные веки,
И заря алый пурпур вокруг разольёт,
Серебром засверкают проворные реки,
Солнца злато-лучи разобьются об лёд!
И на склонах проснутся тенистые рощи,
И в зелёных ветвях зазвучат голоса!
И во всей красоте и во всей своей мощи
Пики горных вершин подопрут небеса.
Небо жгло их огнём и глушило громами,
Иссушали их зной и жестокий мороз.
Только горы опять одевались лесами,
Не приняв эти буйства природы всерьёз…
Видно, волю к борьбе я у гор одолжила
И окрепла душою в свободном краю.
Там в мечтаньях своих я орлицей кружила
И о той красоте в своих песнях пою.

Но когда я в тоске иль убитая горем,
Голос дальний мне слышится: «Дочка, держись!»
Я люблю эти скалы и снежные горы,
Как любить можно неповторимую жизнь.
(Перевод Владимира Гордеева)

Ох и широка же душа Лидии Иргит!.. Настолько широка, что чувство родства поэтесса распространяет не только на свою семью, но и на всю природу, на лоне которой взросла. И отношение к этой природе у поэтессы дочернее, родственное. Для Лидии Иргит Монгун-Тайга—это мать, не менее любимая, чем родившая её женщина. А Улуг-Хем—отец.

Мой несравненный Улуг-Хем,
Мне нелегко с тобой расстаться!..
Сбегаю от своих проблем,
Чтобы тобой налюбоваться.
Полжизни я могу шагать,
Чтобы узреть тебя воочью…
А ты куражишься опять,
Кичишься удалью и мощью.
Таранишь буйно берега,
Деревья с корнем вырываешь.
Потом, ударившись в бега,
Опять на берег их швыряешь.
Тебя не стану осуждать…
Ты слишком гордый и не знаешь,
Как убедительней сказать,
Сколь сильно ты по мне скучаешь!
(Перевод Дианы Кан)

Как видим, далеко не всегда у «родственников» Лидии Иргит простые характеры. Но под этими с виду непростыми характерами, под этой невольной восточной горячностью и строгостью на деле скрывается истинная любовь, не нуждающаяся в словесных подтверждениях:

Монгун-Тайга—надменная красавица,
Что неприступно на земле стоит,
Туманом, словно шалью, одевается
И ледяным дыханием знобит.
«Когда, Монгун-Тайга, свой гнев арктический
На солнечную милость сменишь ты?..»
Увы, ответом на вопрос лирический—
Лишь скалы саблезубой высоты.
Неговорлива, несловоохотлива,
Ты эхом откликаешься на зов.
К моим губам подносишь ты заботливо
Струю своих священных родников.
Однако, вся такая неприступная,
Монгун-Тайга—как ласковая мать,
Привыкшая под горными уступами
Для нас в ущельях солнце выпекать.
(Перевод Дианы Кан)

Крепкий семейный уклад виден в стихах Лидии Иргит… И эти стихи—не просто слова. Лидия и живёт так же, как пишет,—с любовью к миру и чувством ответственности за ближних. Это не позволило Лидии сдать в детские дома нескольких осиротевших детей, своих племянников. Не позволило, несмотря на то что Лидия Иргит недавно сама стала вдовой, на попечении которой две дочки! Тот, кому «посчастливилось» вкусить сиротски-приютской бесприютной доли, встанет перед этой тувинской «женщиной-скалой» на колени. Какая же она скала, с таким-то сострадательным сердцем?! Высока ныне смертность в России: теряя одного за другим родственников, Лидия Иргит становится многодетной мамой. Казалось бы, какие уж тут стихи, когда столько хлопот! Но эта уникальная талантливая тувинка и из хлопот своих бытовых, далёких, казалось бы, от лирики, способна сделать высокохудожественные поэтические творения:

О вкусах не спорят? О вкусах не спорят!
Я, помнится, как-то картошку пекла.
Задумалась о поэтической доле—
Стихи сочинила, картошку сожгла.
Стихи, несомненно, достойны оваций…
Да всё ж от стихов невеликий навар.
Уныло вдохнули мои домочадцы
Лирическо-кухонный этот угар.
Стихами, что с жару,
Стихами, что с пылу,
Стихами, что дышат, как хлеб, горячо,
Я щедро домашних своих угостила…
И что же они? Попросили ещё!
(Перевод Дианы Кан)

Или:

Я вся в делах…
Румяные лепёшки
Пеку, чтоб накормить свою семью…
Ну а душа, как птица за окошком,
Поёт, пока на стол я подаю.
Душа слагает звонкие куплеты—
Успеть бы только мне их записать!..
Я и на кухне остаюсь поэтом.
Но как забыть, что я—жена и мать?
Жар от плиты мне обжигает щёки…
А в этой время Божий дар живой
Печёт в душе лирические строки,
Покуда руки заняты стряпнёй…
(Перевод Дианы Кан)

Читая эти строки, невольно вспоминаешь ахматовское: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда…» Но как-то не поворачивается язык назвать «сором» те женские заботы-хлопоты, без которых семья—не семья. Доверительность—вот, наверное, одно из главных качеств поэзии Лидии Иргит. Эта доверительность пронизана ощущением того братства народов, которое помнит любой, живший во времена СССР.

Лидия до сих пор хранит в своей душе это великое братское чувство:

Хоть изменилось всё вокруг,
Алтайцы и тувинцы—братья,
И на века крепки объятья
Их дружеских могучих рук.
Алтайка, бабушка моя,
Нам пела древних лет сказанье.
Мы, внуки, затаив дыханье,
Внимали ей, душой горя!..
Забылось многое с тех пор.
Порой не вспомнишь, как всё было.
Но память прочно сохранила
Названья рек, названья гор.
Из детских лет, как из глубин,
Спешат, сквозь Время прорастая,
И красота Хаан-Алтая,
И пение реки Кадын.
(Перевод Владимира Гордеева)

Чувство родства и жизненной сопричастности в стихах Лидии Иргит распространяется на многие народы:

Восхищаться вечно не устану
Гордою хакасскою землёй.
Ледяные снежные Саяны
Подружились навсегда со мной.
Предложили мне испить айрана…
Окликало эхо: «Тун Пайрам!..»
Ах, Саяны, гордые Саяны,
Я отныне не чужая вам!
…Тун Пайрам! Я славить не устану,
Воплощая в благодарный стих,
Голубые гордые Саяны
Или чашу, полную айрана,—
Ту, что мы испили на двоих.
(Перевод Дианы Кан)

Редкие мгновения счастья, выпавшие на долю поэтессы Лидии Иргит, она сумела воплотить в золото стихов. Вопроса о том, счастлива ли Лидия Иргит, у меня лично не возникает. Разве может быть несчастна женщина, пишущая такие пронзительные—полные современной конкретики и в то же время философски отстранённые от действительности—стихи?

Перстень на руке искрится,
А глаза грустны совсем…
Продавщица, продавщица,
Взвесь мне счастья граммов семь!
То-то очередь большая!
Видно, счастье нужно всем.
Продавщица дорогая,
Как у вас тут насчёт цен?
Я смотрю, в ассортименте—
Жадность, зависть и разврат.
Спрос на все «товары» эти,
Как и выбор их, богат!
Продавщица принародно
Объяснит с печалью мне:
«Нынче спрос на что угодно,
Только счастье не в цене…»
(Перевод Дианы Кан)

Вот уж тут я категорически не соглашусь с поэтессой Лидией Иргит—моя любовь к её стихам даёт мне право не во всём с ней соглашаться. Разве это не счастье, что в далёкой тувинской глубинке живёт, не сдаваясь лихим напастям, живёт, не поддаваясь житейским невзгодам, и дарит читателям России свои неповторимые стихи «женщина-скала» Лидия Иргит? Заветные «семь граммов счастья»—это её тоненькие на вид книжечки, которые по своему художественному содержанию «томов премногих тяжелей». А потому «семь граммов счастья»—это вовсе не мало!